

УДК 371

«ОДИССЕЯ»: НЕМНОГО НЕОБЫЧНАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ШКОЛА. ПОПЫТКА КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЧУЖОГО ОПЫТА

Докторов Борис Зусманович¹,

доктор философских наук, профессор, США, электронная почта: bdoktorov@bk.ru

Перминова Людмила Михайловна,

доктор педагогических наук, профессор, г. Москва

Пятаков Евгений Олегович,

редактор журнала «Школьные технологии»

ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ОСМЫСЛЕНИЮ И ИЗВЛЕЧЕНИЮ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ВАЖНЫХ ВОПРОСОВ ИЗ ТЕКСТА, ОПИСЫВАЮЩЕГО ЧАСТНУЮ ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ. ОНА ВНЕДРЕНА В ОДНОЙ ИЗ АМЕРИКАНСКИХ ШКОЛ И ПОКАЗЫВАЕТ ВЫСОКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, КОТОРЫЕ, ЕСТЕСТВЕННО, ХОЧЕТСЯ СКОПИРОВАТЬ. ВОПРОС, СТОИТ ЛИ? КАКУЮ ЦЕНУ ПРИДЁТСЯ ЗАПЛАТИТЬ? С НЕДОСТИЖИМОСТЬЮ ЧЕГО ПРИДЁТСЯ СМИРИТЬСЯ, А ЧТО РЕАЛЬНО МОЖНО ВНЕДРИТЬ?

• американская школа • частная педагогическая система • «Одиссея» • Шекспировский фестиваль • самостоятельная работа • навыки учёбы • практико-ориентированный проект

От редакции

Сегодня в информационном пространстве — в тематических статьях, постах и на форумах — можно найти много сведений о различных зарубежных образовательных системах: европейских, американских, азиатских. Положительных оценок много. Но, к сожалению, значительная часть этой информации подаётся некритично и предвзято. В основном людьми, далёкими от проблем методики и прогнозирования образовательных систем и их результатов на дальнюю перспективу. В результате не только у рядовых читателей, но и у профессионалов от педагогики может возникать и крепнуть уверенность: какие великолепные и современные образовательные системы «у них там», и какая отсталая и несовершенная «у нас тут». А также — появляться острое желание (и попытки) меха-

нически скопировать и перенести к нам их плюсы. Чаще всего — заранее обречённые на провал.

Одна из причин: мало кто знает или задумывается о слабых местах зарубежных систем, их рисках и недостатках. О том, насколько тесно они связаны с особенностями местной культуры, менталитета, исторического развития и даже климата. А ещё — о «цене успеха», которую приходится платить. Пример: в американских университетах китайские студенты славятся своей работоспособностью, умением поглощать, запоминать, анализировать огромные объёмы текстов (спасибо китайской культуре и системе образования, которая многим из нас покажется настоящим кошмаром из-за нагрузок и жёсткого отбора). Но даже на литературоведческих факультетах профессора отмечают: именно китайские студенты очень редко читают просто так, «для души». Даже собственные поэты, писатели, философы им лично малоинтересны. А на предложение прочитать ту или иную интересную книгу вне программы они

¹ Коллеги и редакция журнала «Школьные технологии» сердечно поздравляют Бориса Зусмановича Доктора с присуждением Премии им. Б.А. Грушина за книгу «Большой портрет», содержащую биографические интервью с учёными-социологами, и желают крепкого здоровья, творческих замыслов и новых книг, открывающих увлекательный мир науки!

отвечают: «Она будет на зачёте? Нет? Тогда зачем?» И это только один пример того, о чём редко говорят.

Между тем критическая оценка даже тех материалов, которые легкодоступны и рисуют зарубежные системы образования в розовом цвете, позволяет многое понять (или смоделировать) из того, что «остаётся за кадром». А значит, смотреть на ситуацию более объективно, взвешенно и получать гораздо больше информации, задаваться важными вопросами, получать полезный опыт. Например: а всё ли так красиво, как пишет автор? А нет ли (или не было ли) таких же плюсов и у нас? А какие важные нюансы автор упустил? А возможно ли внедрение этой системы или её элементов на нашей «почве»? Если да, то какой ценой? Если нет, то почему? И... так ли уж это печально с человеческой точки зрения? Может, как раз хорошо (вспомним китайских студентов)?

Материал, с которым мы предлагаем ознакомиться, — своеобразный эксперимент по анализу и извлечению дополнительной информации и важных вопросов из текста, описывающего частную педагогическую систему. Она внедрена в одной из американских школ и показывает высокие результаты, которые, конечно же, хочется скопировать. Вопрос, стоит ли? Какую цену придётся заплатить? С недостижимостью чего придётся смириться, а что реально можно внедрить? Мы надеемся, что подобный критический подход поможет читателям самостоятельно проработать другие педагогические тексты и извлекать полезный опыт, а не просто сожалеть, что «у нас не так».

«Одиссея...». Уже по названию статьи читатель может догадаться, что речь пойдёт о некотором увлекательном путешествии в мир образования, школьной жизни, которая может нас удивить, открыв нечто, не известное российскому читателю. Итак, отправимся вместе с автором по «волнам его памяти» в историческое путешествие. Автор — Борис Зусманович Докторов, крупный учёный, окончивший механико-математический факультет Ленинградского государственного университета им. Ю.А. Жданова, психолог, социолог и философ, Почётный доктор Института социологии РАН, рассказал нам в своих книгах об основоположниках социологической науки в СССР — В.А. Ядове, А.Г. Здравомыслову,

Б.Г. Грушине, Ю.А. Леваде и их выдающихся современниках — Т.И. Заславской, Б.Г. Кузнецове (более 200 биографических жизнеописаний!), открыл целую эпоху в истории научной мысли второй половины прошлого века. С 1994 г. живёт в США и продолжает открывать нам новые страницы истории науки, из которых мы узнали об американских учёных (Дж. Гэллапе, Д. Огилви и др.). В поле его интересов оказалось и школьное образование, а этот вопрос всегда вызывает интерес у российского читателя.

Начало

Этот текст написан в течение 2009–2010 учебного года совместно с моей внучкой Лизой. С тех пор прошло много лет, она успешно закончила «Одиссею», потом high school (9–12-е классы), затем колледж. Теперь она учится в университете, и можно утверждать, что годы, проведённые в этой школе, были весьма плодотворными.

Никакой многозначности, загадки в заголовке этой статьи нет, он — о необычной американской школе «Одиссея». Зная лишь адрес школы, её трудно найти. Уединённое здание самого что ни есть сельского типа стоит у склона довольно крутой горы. Кругом высоченные деревья, с дороги дом практически не виден. Трудно представить, что в таком крохотном здании размещается современная школа, причём — не в какой-то глуши, а в высоко интеллектуальной северной оконечности Силиконовой долины. Однако это так.

«Одиссея» — средняя школа (middle school), в ней всего три класса: по одному шестому, седьмому и восьмому. В каждом из них в начале учебного года было соответственно: 9, 10 и 13 учеников. Во многих американских и российских школах в любом классе намного больше учеников. Школа — частная, не дешёвая. Но среди частных школ, расположенных в этой округе, и не самая дорогая.

Программа школы соотнесена с общими требованиями обучения в США и конкретно в Калифорнии. Вместе с тем и по предметам, и по содержанию, и по всей системе общения между учениками и учителями она если не уникальная, то «штучная», далёкая от того, что условно можно назвать стандартом.

В школу был большой конкурс, включавший тестирование по математике и английскому, а также длительное собеседование с детьми и родителями. Необходимо было представить характеристики от учителей и директоров тех школ, где дети ранее занимались. Обязательны были рекомендации от бывших выпускников школы или их родителей. Из сказанного ясно, что ежегодно не просто формируется новый класс, но культивируется школа-семья. Есть ещё один важный принцип: основатель и директор школы целенаправленно создаёт многокультурную семью: ученики представляют богатую этническую, расовую и языковую композицию.

Уроки начинаются в 8:15 и заканчиваются в 15:30, их продолжительность — от 30 минут до часа с четвертью; она варьируется в зависимости от предмета. В полдень — 45-минутный ланч; как обычно в Америке, каждый ест то, что любит и что приносит из дома. Есть микроволновая печь, так что еду можно разогреть. Ребята едят в небольших компаниях, стараются управиться побыстрее, чтобы успеть побегать на небольшом поле перед школой.

Программа школы синтезирует в себе классические и современные представления о том, чему и как надо учить ребят. Решаются две задачи: максимально развивать способности учеников и научить их самостоятельно работать. В шестом классе, в котором училась Лиза, еженедельно были четыре урока математики, два — письма и два — литературы. Три занятия в неделю — японский; выбор руководством школы этого языка обусловлен тем, что он в корне отличен от английского и формирует у ребят принципиально новую языковую логику.

Еженедельно — три урока по циклу «Естественные науки» (Science): основы физики, химии, биологии; акцент делается на изучении научных методов. Столько же отводится гуманитарным наукам (Humanities): комбинированный курс, включающий географию, историю, философию, культуру. Кроме того, учащимся предстояло в течение года проанализировать ряд великих идей и факторов, которые их породили. Это биографии 12 величайших философов, астрономов, политиков, деятелей культуры и общественных лидеров.

Современные американские шестиклассники, как правило, неплохо знают WORD и Power Point, почти все мастерят свои сайты, могут разместить видео на веб-канале Youtube.com. Возможно, поэтому в расписании лишь один урок в неделю — компьютер, прежде всего это ответы на вопросы, не лекции. Реально же работа на компьютере происходит на всех уроках.

Еженедельно в расписании были аэробика, танцы, плавание (всех возят в расположенный недалеко бассейн) и хор. Есть ещё такой необычный урок, как «понимание себя». Ученики встречаются небольшими группами с преподавателем, оценивают своё состояние по шкале от «1» (совсем плохо) до «10» (всё прекрасно) и обсуждают волнующие лично их проблемы. Например, много уроков на дом, как со всем справиться. Классного руководителя, как в российских школах, нет, есть два учителя-предметника — мужчина и женщина, выполняющие функции консультантов, или советников соответственно, для мальчиков и девочек.

У каждого ученика есть личный журнал, куда он записывает свои ощущения и переживания; он может лично обсуждать свои проблемы с консультантом. В конце сентября консультанты посещают своих учеников дома, чтобы знать, в каких условиях они живут, как обустроено их рабочее место.

Многонациональна не только семья учеников, но и преподавательский корпус. Учитель японского и компьютера родился в Японии, окончил там школу и колледж, а в Сан-Франциско получил степень магистра по преподаванию японского как иностранного, в Америке говорят — «как второго языка». Компьютер также не только его хобби, но и профессия. «Понимание себя» ведёт афроамериканец — социолог и психолог. Математику в начале года преподавала немка, учившаяся в Германии и во Франции, имевшая магистерские степени по математике и физике, преподававшая в Швейцарии на немецком и французском языках. Во второй половине года её сменила учительница индианка.

На сайте школы, где рассказывается об учителях, есть фото особого участника воспитательного процесса; он представлен как Spiritual Advisor (консультант по душе).

Это — Юки, пятилетний жёлтый лабрадор директора. Собака ходит по классам, дети с ней играют; действительно, для них это прекрасная психологическая разрядка.

Уроки заканчиваются в 15:10, но по домам расходиться, вернее — разъезжаться нельзя. Минут за десять ученики убирают школу, у каждого — свои обязанности: кто-то подметает двор, кто-то выносит из урн скопившуюся за день бумагу, бутылки из-под воды, жестяные банки из-под содовой, кто-то стирает всё с учебных досок. Потом — на 5–7 минут все собираются на улице (в этой части Калифорнии зимы нет и дожди достаточно редки): учителя и ученики; кто сидит на скамейках вдоль стен, кто прямо на дощатом покрытии, кто стоит. Директор подводит итог дня, учителя напоминают детям самое важное. И общее — «до завтра». Уроков на дом задаётся очень много, и их надо делать.

На занятиях — все на виду, за спинами одноклассников не очень спрячешься. Естественно, у всех детей есть дома компьютеры и все необходимые приставки, но всем раздали лэптопы «Apple» и принтеры. Шестиклассникам — новые, старшим — те, которыми они пользовались ранее. Компьютеры приходится ежедневно возить в школу, они используются на занятиях, и отвозить домой — на них делаются домашние задания. Кроме того, там записаны некоторые обучающие программы, например, шестиклассники осваивали работу на клавиатуре компьютера вслепую.

Есть один важный момент: все компьютеры автоматически отключаются в 9 часов вечера, детей приучают не сидеть над уроками ночами. Но можно немного поработать до школы, компьютерная сеть открыта с 6 утра. Замечу, американцы, в том числе и дети, много чувствительнее, чем россияне, к подавлению свободы личности, её прав. Но никто не воспринимает ограничение на время работы компьютеров, посещение преподавателями семей, обсуждение наиболее с консультантами как контроль или как подавление личной свободы. Во всём этом видится приветствуемое разумное.

В США нет российской практики оглашения оценок, получаемых учениками, каждый знает лишь свои достижения. Нет и родительских собраний, когда одних детей публично

восхваляют, других — зло ругают, а третьих — не замечают. Родители и учителя всё обсуждают наедине. В частных школах родители и учителя контактируют очень тесно.

После летних каникул занятия начались 25 августа 2009 г., но уже в первые дни сентября все ученики и учителя отправились в двухнедельное путешествие. Без родителей. Детям не было разрешено даже брать с собою мобильные телефоны. Директор несколько раз за всё это время высылал родителям электронные послания. Сначала была шестичасовая поездка на четырёх микроавтобусах — за рулём сидели преподаватели — на север штата, в небольшой городок Этна (Etna), в котором проживает менее 800 человек. Там, в живописном горном месте, на берегу озера расположен известный в Америке кэмп (лагерь), в котором летом отдыхает молодёжь. Почти неделю ребята жили в «спартанских» условиях, ночевали в спальниках, работали на ферме, участвовали в приготовлении еды, купались в озере, осваивали приёмы экстремального туризма.

В один из вечеров при свечах состоялась церемония принятия шестиклассников в школьную семью. Центральным моментом этой процедуры было представление каждой новой девочке двух её «сестёр» из 7-х и 8-х классов, и мальчику — «братьев». Это очень эффективный инструмент формирования мягкого микроклимата в школе.

Затем была двухчасовая поездка дальше на север в городок Эшланд (Ashland), штат Орегон. Этот город, в котором живёт менее 20 тысяч человек, широко известен в США и во многих странах проводимыми там с 1930-х годов ежегодными Орегонскими шекспировскими фестивалями. Они проходят с февраля по октябрь, и обычно их посещает около 100 тысяч туристов. На спектакли продаётся свыше 350 тысяч билетов. В городе есть также музыкальный и драматические театры и университет. Это — один из центров американской театральной культуры.

Все затраты на путешествие включены в оплату школы, ничего сверх. Родителей лишь просили дать детям по 20 долларов, чтобы купить себе один ланч. В тщательно составленной для родителей инструкции по подготовке детей к поездке было сказано: цель

путешествия — образование, не шоппинг; чем больше денег вы дадите им, тем меньше они будут практиковаться в принятии решений о покупках.

Подготовка к поездке на Шекспировский фестиваль началась летом. В наборе книг, который был вручён и тем, кто уже учился в школе, и новичкам, были: «Макбет», «Всё хорошо, что хорошо кончается», «Генрих IV». До отъезда на фестиваль все ученики под руководством директора школы Стефана Смуина, преподающего литературу, углублённо читали Шекспира. Ученики обращаются к нему уважительно и просто: «Стив».

Первые полгода пути

Полгода обучения и наблюдений — недостаточный срок для анализа изменений объёма знаний и личностных качеств учащихся. Тем не менее первые выводы могли быть сделаны. Сейчас на нескольких примерах постараемся раскрыть специфику учебной и воспитательной системы, культивируемой в школе. Ясно одно: она нацелена на формирование самостоятельности и самоконтроля учеников, их трудолюбия, умения принимать решения, обучение правилам поведения в коллективе. Один из девизов школы: «Мы учим тому, что надо делать, когда не знаешь, что делать».

С учётом того, что на утреннем фрифрее и ведущих к нему улицах часто случаются «пробки», у значительной части учеников на дорогу в школу уходит от получаса и более. Вставать приходится рано, уроки начинаются в 8:15. Все опоздания фиксируются, и совершающие их регулярно «нагружаются» некоторыми дополнительными заданиями. Радостным бывает практикуемый во многих американских школах «день пижамы» (pajamas day), когда дети приходят на занятия в том, в чём они обычно спят. Во-первых, можно поспать на пять минут больше, во-вторых, день проходит веселее.

Весьма многообразны и нестандартны отношения между учениками и преподавателями. В шестом классе есть два учителя, выполняющие функции наставников (advisers). При необходимости каждый из учеников может поговорить с наставником. Кроме того, все ученики ведут тетради, в которые они могут

записать то, что их волнует; в любом случае за неделю должно быть записано не менее трёх страниц наблюдений, впечатлений.

В назначенный день ученик должен передать дневник наставнику. При необходимости тот найдёт время для специального разговора с учеником, если же в этом нет смысла, просто оставит в дневнике свои комментарии.

Классная работа и домашние задания делаются на разрозненных листах бумаги. После того как учитель проверит сделанное, листы вкладываются в папки с тремя разъёмными кольцами. В папках есть разделители, помогающие ориентироваться в хранимом материале. Такие папки ведутся почти по каждой учебной дисциплине. Во время занятий в школе надо иметь все эти папки и учебники, потому некоторые из ребят пользуются ранцами, которые одновременно можно катить на колёсиках. Кроме того, у каждого есть лэптоп, сумочка с едой (в школе нет буфета), а в дни занятий в бассейне и пакет с купальными принадлежностями. Непросто, но дети к этому привыкли.

Начиная со второго семестра шестиклассники, как и учащиеся старших классов, один день в неделю встречались со своими наставниками в ресторане или кафе; туда и обратно их отвозили преподаватели. Такой ланч проходит в середине дня и с учётом времени на дорогу занимает около полутора часов. Ланч не только еда и не только общение. Ученики учатся разумно тратить деньги. Каждый сам знакомится с меню и делает заказ официанту. При этом необходимо уложиться в выделенные родителями 12 долларов, включая налог на покупку и обязательные чаевые.

Есть ещё два важных направления в формировании самостоятельности и ответственности школьников. В первом полугодии два-три ученика шестого класса в сопровождении секретаря школы еженедельно ездили на ближайший рынок и покупали на школьные деньги продукты, из которых ученики старших классов готовили что-нибудь для всей школы, например печенье, фруктовый салат. Раз в месяц каждый шестиклассник в паре с семиклассником должны были затратить два-три часа на «доброе дело». Одни ездили в приют для бездомных животных, чтобы помочь ухаживать за котётами, щенками.

Другие отправлялись на фермы, чтобы помочь в присмотре за домашним скотом. Лиза ездила в одну из государственных (public) школ, чтобы помочь делать уроки отстающим. При этом дети сами решают все организационные вопросы: звонят, чтобы уточнить день приезда, заранее предупредить, если возникают какие-то «накладки», договариваются с родителями, чтобы кто-либо отвёз их из школы на место волонтерства и потом забрал их.

Выше рассказывалось о двухнедельной поездке всех учеников и учителей в сентябре в спортивный кэмп и на известный в стране Орегонский шекспировский фестиваль. Это был «ударный» социокультурный момент начала учебного года. Подобными событиями следующих месяцев были подготовка спектакля, в котором участвовали все ученики, и самостоятельная работа каждого учащегося по избранной им теме.

В основании спектакля лежал фантастический сюжет; основное действие протекало в наше время, но были вставки, относящиеся к прошлому. Разучивание ролей и первые репетиции проходили на еженедельных уроках театра. Расписание было составлено так, что на этом уроке присутствовали одновременно ученики всех классов. Затем шла подготовка спектакля, включавшего много музыки и песен, она проходила на большой, близкой по размерам к профессиональной, сцене одной из государственных школ; зрительный зал вмещал до 500 человек. К спектаклю была подготовлена программка с указанием действующих лиц и имён исполнителей. На представлении присутствовали все учителя, много родителей, родственников и друзей. Это действительно был праздник для всех.

Теперь о главном деле — самостоятельной работе над проектом, выполняемом не в рамках какого-либо школьного предмета, а по более свободной тематике. В декабре каждый из учеников школы обсуждал с наставником тему своего проекта и составлял план работы. После рождественских каникул все приступили к работе, для этого на пять недель было изменено расписание уроков. Ребята учились до 12 часов, потом — ланч, и затем каждый работал в школе самостоятельно. Собирал через Интернет информацию, читал принесённую с собой литературу

по проблематике проекта, обсуждал задуманное с наставником. При этом предполагалась не только «лабораторная» работа, но и «полевая». Другими словами, ученик мог уехать из школы, чтобы приобрести практический опыт. Скажем, решивший сделать проект по истории икебаны записывался на курсы, посещал несколько занятий. Одна из девочек изучала технику китайской живописи тушью на рисовой бумаге, поэтому она осваивала это искусство в специальной студии. Другая ученица решила изучить проблему выживания в экстремальных условиях. Несколько дней с отцом они провели в специальной школе под Лос-Анжелесом, где осваивали это искусство. Были проекты по созданию мультфильмов, сценическому гриму, индийской красочной (временной) татуировке, художественной фотографии животных и многое другое. Каждый ученик, помимо сотрудничества со своим школьным наставником, находил себе советчика и эксперта среди профессионалов. С первым работа шла достаточно плотно, со вторым — две-три встречи.

Лиза решила изучить историю цирковой трапеции и трюков, которые делаются под куполом цирка. Она прочитала литературу по теме и взяла несколько уроков в Сан-Франциско у работающих там артистов. Безусловно, всё делалось со страховкой, но полёты — не во сне, а наяву. И удовольствие — тоже настоящее. К тому же — формировалось умение преодолевать страх.

Итоги работы были представлены на выставке, которая проходила в помещении одного из банков, расположенных на центральной улице городка Сэн-Матео. Каждый ученик монтировал свой стенд, на котором были тексты и фотографии; многие демонстрировали на своих ноутбуках видео. Те, чей проект состоял в овладении искусством выпечки кексов или приготовления китайской лапши, угощали посетителей выставки. На специальных бланках можно было оценить проект, и в знак благодарности за работу положить в «кружку» деньги. Все пожертвования школы направила в один из местных благотворительных фондов.

Замечание старшего соавтора. Всегда сложно сказать, каким был бы одиннадцатилетний школьник, если бы он полгода учился в другой школе, осваивал бы иную программу.

Ведь в этом возрасте дети быстро меняются, и многое в них определяется заложенной в них генетической программой, семейным воспитанием, чтением, телевидением и другими обстоятельствами. Но прошедшие полгода учёбы в «Одиссее» стимулировали в моём младшем соавторе ускоренное взросление. Это проявляется в ростках самоанализа и повышении чувства ответственности, в приобретении навыков обсуждения сложных вопросов и умении аргументировать свою точку зрения.

Итоги годичной «Одиссеи». Послание от сенпаи к кохаи

Задача формирования навыков учёбы, особенно самостоятельной, явно была одной из первостепенных. Как правило, домашнее задание по каждому из предметов включает в себя письменные ответы на серию вопросов, приходится много читать и писать эссе на самые разные темы, часто свободные. Не сдавший вовремя домашнее задание должен сделать его позже. Но такая практика не приветствуется, кроме того, «провинившийся» может быть лишён традиционной пятничной поездки в одно из ближайших кафе, где обычно ребята в полдень днём завтракают со своим наставником.

Уроки часто завершаются короткими тестами по пройденной теме, в конце первого семестра и по итогам года экзамены по всем предметам. Кроме того, в течение года ребята выполнили самостоятельно несколько междисциплинарных проектов, предполагавших сбор информации и её обобщение, изобретательство, подготовку стендов для презентации результатов. Достижения в аэробике и сценическом фехтовании демонстрировались на специальном шоу перед родителями.

Знания учеников оцениваются на трёх уровнях: «выше среднего», «среднее» и «ниже среднего». Эти оценки отвечают российским «отлично», «хорошо» и «удовлетворительно». Младшему автору этого текста больше всего нравятся японский язык, литература и фехтование. Успешно идёт и математика. Поэтому другому автору, математику по базовому образованию, было разрешено давать ей дополнительные задачи, которые она решала самостоятельно на уроке математики,

предварительно выполнив задание, которое учитель предлагал одноклассникам. По этим четырём предметам и по ряду других ученица заработала «выше среднего», но в отличницы не «выбилась». Есть несколько оценок не высшего уровня. Конечно, важно знать, что стоит за оценками, каков багаж знаний и умений. Не стоит торопиться, вскоре и это прояснится.

В заголовке этого раздела статьи стоят два японских слова: «кохаи» и «сенпаи». Эти слова знают все ученики школы. Словом «кохаи» ученики третьего года обучения (8 класс) называют тех, кто учится после них. Соответственно, те называют самых старших учащихся словом «сенпаи». Для тех, кто учится в школе второй год, младшие будут кохаи, старшие — сенпаи.

По итогам года все бывшие шестиклассники должны были обратиться к новым шестиклассникам, чтобы помочь им войти в единую семью. Ниже приводятся фрагменты из эссе, написанного «внучкой» сразу после перехода в 7 класс, когда по отношению к новичкам школы она уже стала сенпаи. «Дедушке» кажется, что написанное чётко свидетельствует о том, что за год она, благодаря прежде всего урокам литературы, практике написания эссе и изучению механизмов самопознания, заметно повзрослела и научилась формулировать очень непростые рецепты жизни.

«Что делать, когда не знаешь, что делать, было самым трудной задачей в течение первого года обучения в „Одиссее“, во всяком случае для меня. К примеру, вместо того, чтобы сразу задавать преподавателю вопрос, подумай внимательно, может быть, ты частично можешь ответить на него сам. Если это так, то постарайся, отталкиваясь от этого, ответить на весь вопрос. Подумай, нет ли вопроса, на который ты не можешь ответить. Вот тогда и спрашивай учителя. Все в нашем классе ошибались, но в конце концов всё сложилось успешно. Наша главная ошибка заключалась в том, что мы по обложке книжки судили о её содержании. Плохой или хороший человек, мы решали при первом знакомстве друг с другом. Чтобы говорить о том, какой человек, ты должен его лучше узнать. Поверь мне, тогда ты не будешь расстраиваться.

Первый успех нашего класса был в самом начале учебного года, когда мы все выехали

в кэмп, чтобы лучше узнать друг друга. Сначала мы прошли через систему игр-тестов, показывающих наши навыки работать совместно. Затем был финальный тест, называемый „стена”.

Ученики Одиссеи ежегодно ездят в этот кэмп, но до нас никто до стены так и не добрался. Это была высокая, выше двух метров абсолютно гладкая деревянная стена, и мы должны были все преодолеть её. Мы сделали это. Надеюсь, и вы её преодолеете.

За год мы не только подружились всем классом, но и нашли внутри класса лучших друзей.

Хочу, чтобы ты был счастлив, так как годы обучения в „Одиссее” пробегут быстро. Ты будешь падать и подниматься. Ты испытаешь успех и поражения. Учись на прошлых, настоящих и будущих ошибках. Сейчас мы уже не просто кохаи, это звание мы передаём вам. Мы — сенпай для вас, но кохаи — для тех, кто будет учиться в третьем классе.

Как же ребята преодолели стену? Оказывается, они додумались, как поднять на сцепленных руках одних учеников, чтобы они залезли наверх и потом подтягивали сверху других. Они видели проблему лишь в том, чтобы помочь последнему из ребят; ведь и его надо было посадить. Оказалось, учитель был рядом с ребятами, слушал их обсуждения, и когда они наткнулись на эту проблему, он сказал им, что на обратной стороне стены есть ступеньки, потому нет проблемы со спуском. И те, кто стену преодолевает, могут вернуться и посадить тех, кто помогал им.

Нетривиальный путь к коллективному действию был найден. Совместное решение задачи о том, что делать, когда не знаешь, что делать, было найдено. Ребята уверены, что они никогда не забудут эту стену».

От редакции

Итак, путешествие в мир образования в одной необычной американской школе состоялось. Читатель познакомился с интересным «организмом», тщательно продуманной и выстроенной системой образования, воспитания и обучения. Определённо:

ценностно, организационно и деятельностно слиты две стороны образования — обучение и воспитание. Их пронизывают одни и те же принципы: дисциплина, полиэтничность — от подбора педагогических кадров до учащихся в классе, равноправие по отношению к правилам жизни и общения, уважительное отношение «по горизонтали» и «по вертикали», то есть старших к младшим и младших к старшим, осознанная свобода и диалог как стремление научиться понимать другого человека, демократичность взаимодействия (директор и учителя принимают правила поведения для учащихся), взаимопомощь и взаимовыручка, чувство юмора, посильные трудности. За всем этим стоит ориентация на максимально разностороннее развитие: интеллектуальное, социальное, культурное. Школа как система крепко «сбита», и при индивидуально выстроенной образовательной траектории каждого ученика отчётливо просматривается общее ценностное «государствообразующее» основание. Ну, а как вы хотели? Школа и учитель обеспечивают связь и преемственность поколений, подготавливая своих выпускников к жизни в обществе, к выбору профессии, к ценностному самоопределению, к самостоятельности. И дети вполне осознают эти условия и стоящие перед ними задачи, о чём свидетельствует послание «младшего соавтора» этой статьи — выпускницы «Одиссеи» Лизы (письмо кохаи от сенпай). Хорошее письмо повзрослевшего человека.

Чтение статьи вызвало определённые ассоциации, поэтому будут встречаться и комментарии, и размышления, и воспоминания: ведь диалог вызывает дискуссию.

Например, обратим внимание на малое количество учеников, которое уже само по себе серьёзно снижает нагрузку на педагогический коллектив и упрощает управление школой. А также на то, что давление со стороны «стандартов» и управляющих органов снижено, либо отсутствует. Есть простор для индивидуального подхода, экспериментов и т.д.

В то же время есть изначальный жёсткий отбор по уровню интеллекта, социальным навыкам, психотипу и т.д. Успех данной школы вряд ли был бы возможен у нас или в той же Финляндии, чьей педагогической системой восхищается весь мир. Ведь там

в школу принимают по месту жительства, а об отборе по способностям и речи не идёт. На это, кстати, на форумах, жалуются многие наши бывшие соотечественники. Они говорят, что финская система заточена под «середнячков». Детям с повышенными способностями там трудно и скучно.

Процедура с представлением характеристик в школе «Одиссея» выглядит вообще трудно реализуемой — с технической точки зрения. Такое требует совсем иной культуры и социальных реалий.

Далее: много ли найдётся у нас родителей, готовых пойти на то, что в школе формируется школьный коллектив-семья? Или:

«Программа школы синтезирует в себе классические и современные представления о том, чему и как надо учить ребят. Решаются две задачи: максимально развивать способности учеников и научить их самостоятельно работать. В шестом классе еженедельно четыре урока математики, два — письма и два — литературы. Три занятия в неделю — японский; выбор руководством школы этого языка обусловлен тем, что он в корне отличен от английского и формирует у ребят принципиально новую языковую логику...»

Вопрос: многие ли из наших родителей согласятся настолько усложнять детям жизнь потому, что «руководство школы так решило»? Даже не ради подготовки к эмиграции, а ради «формирования иной языковой логики», практическая польза от которой, на первый взгляд, совсем невелика в повседневной жизни. Судя по тому, как мало и неохотно выбирают у нас в школе китайский язык, — таких родителей меньшинство.

А вот что касается обращения внимания школьников на научный метод, то нет ничего особенного в историческом плане. В советской школе изучению научных методов и научной логике уделялось гораздо больше внимания, чем сейчас. И при этом советскую школу всё больше и больше ругают.

Очень интересна работа по формированию гуманитарной культуры школьников.

«Учащимся предстояло в течение года проанализировать ряд великих идей и факто-

ров, которые их породили. Это биографии 12 величайших философов, астрономов, политиков, деятелей культуры и общественных лидеров».

Вопрос: как их мотивируют изучать такое — сложное и при этом малопрактичное? Хотелось бы понять методику. И возможно ли это в средней школе с неотобранными детьми?

Или вот пример:

«Классного руководителя, как в российских школах, нет, есть два учителя-предметника — мужчина и женщина, выполняющие функции консультантов, или советников соответственно, для мальчиков и девочек. У каждого ученика есть личный журнал, куда он записывает свои ощущения и переживания; он может лично обсуждать свои проблемы с консультантом. В конце сентября консультанты посещают своих учеников дома, чтобы знать, в каких условиях они живут, как обустроено их рабочее место».

В наших школах подобные функции теоретически мог бы взять на себя школьный психолог. Но в реальности он часто поставлен в ситуацию «золушки». Он сам — месяцами и годами — вынужден искать возможности, чтобы встроиться в общую школьную систему и начать приносить ей хоть какую-то ощутимую пользу. Требований и ограничений — масса (так «влезать в душу ребёнка» ему у нас точно не дадут) — а запросов и претензий — ещё больше.

Что касается дневников подобного рода, то писать подобное было модно и популярно среди российской интеллигенции в конце XIX в. Писать дневники на тему «Что я почувствовал и пережил сегодня» также было популярно в российских школах. Однако сегодня такая «принудилка», скорее всего, взбунтует и родителей, и детей. Многие назовут такое занятие просто бредом и вторжением в личную жизнь. Хорошо это или плохо — другой вопрос. Однако основания для неприятия есть. Любой опытный педагог подтвердит, что очень часто дети, «заточенные» не на успех дела, а на свои переживания «как они себя при этом чувствуют», создают немало проблем окружающим. Особенно если это группа, занятая общим делом.

Рассказ о педагогах школы «Одиссея»

«Учитель японского и компьютера родился в Японии, окончил там школу и колледж, а в Сан-Франциско получил степень магистра по преподаванию японского как иностранного, в Америке говорят — „как второго языка”».

позволяет сделать вывод: это учителя-полиглоты. Вопрос: чем наша (и не только наша) рядовая школа может привлечь столько полиглотов? А общение детей с собакой? Многие и у нас были бы рады устроить такое. Но один «звонок наверх» — и проблемы обеспечены. Свобода же от «всевидящего ока Министерства» и от родителей «с гипертрофированной социальной ответственностью» позволяет делать и не такое.

Уборка школы детьми — норма в СССР и в современной Японии (там самообслуживание развёрнуто ещё шире). Сейчас это у нас законодательно запретили как «эксплуатацию детского труда» и «унижение детей».

Что касается большого объёма домашних заданий и обязательности их выполнения в этой школе, то так было и в СССР, и в наших элитных школах. А вот в Финляндии это посчитали бы дикостью.

Описана отличная идея с ноутбуками «Apple» и принтерами, а также и тем, что «все компьютеры автоматически отключаются в 9 часов вечера, детей приучают не сидеть над уроками ночами».

«Замечу, американцы, в том числе и дети, много чувствительнее, чем россияне, к подавлению свободы личности, её прав. Но никто не воспринимает ограничение на время работы компьютеров, посещение преподавателями семей, обсуждение наболевшего с консультантами как контроль или как подавление личной свободы. Во всём этом видится приветствуемое разумное».

Самый важный момент статьи: у нас (что плохо) считается вторжением в личное пространство то, что не считается в школе «Одиссея». А именно: в ней принуждение детей к труду и ответственности, важным для их же будущего и настоящего, не считается вторжением и нарушением прав, дисциплинарные моменты — тоже. А у нас —

считаются. Не во всех, но во многих семьях ребёнок может бездельничать, вести себя как эгоист и хам. Но «это его право — не лезьте». А то, что потом он же ничего не понимает и не делает в школе, нарушает дисциплину и учебный процесс — это проблемы школы. Родители ни при чём.

Что касается оглашения оценок и отметок учащихся, то у нас от этого тоже изо всех сил стараются уходить. Часто — с перегибами в сторону излишней гуманизации, от которой хорошо становится в первую очередь хулиганам, терроризирующим других.

Замечательно:

«Двухнедельное путешествие школьников. Без родителей. Детям не было разрешено даже брать с собою мобильные телефоны. Директор несколько раз за всё это время высылал родителям электронные послания».

Но: с нашими законами и с нашими массовыми «родителями-вертолётами», что непрерывно кружат над своими детьми — это труднореализуемо. Кроме того, такое мероприятие предъявляет высокие требования к осознанности, ответственности и дисциплинированности и детей, и родителей.

«Наконец, самое главное в „Одиссее” — это мотивация школьников — мотивация без принуждения. Очень большое впечатление производит Шекспировский фестиваль».

Но: как детей мотивируют столько читать? Интересно с методической точки зрения. А как вовлечь всех детей (а не только отобранных) в работу с проектами? И как учить навыкам анализа и отбора информации?

Интересно поставлено дело с организацией проектной деятельности школьников. Вот история с проектом о цирке:

«Лиза решила изучить историю цирковой трапезии и трюков, которые делаются под куполом цирка. Она прочитала литературу по теме и взяла несколько уроков в Сан-Франциско у работающих там артистов. Безусловно, всё делалось со страховкой, но полёты — не во сне, а наяву. И удовольствие — тоже настоящее. К тому же — формировалось умение преодолевать страх. Итоги работы были представлены на выставке, которая проходила

в помещении одного из банков, расположенных на центральной улице городка Сэн-Матео».

Вопрос: с чего вдруг артистам, отрываясь от дел, давать уроки посторонней школьнице ради её курсовой? Да ещё и брать ответственность за её жизнь и здоровье? Или тут недоговорка — школа договорилась за неё?

Можно задать ещё немало интересных вопросов статье или прокомментировать некоторые страницы. Например, о «покорении стены»/перебраться через стену. В 90-х — начале 2000-х и у нас в российских школах был очень популярен «верёвочный курс» — ещё более сложная версия. Его давали и в фирмах, и в школах. Я (Евгений Пятаков) сам его изучал и проводил. Сейчас запрещено из-за травмоопасности. А зря. Абсолютно не ясно, что тут сложного — в покорении стены. Она твёрдая, на ней можно сидеть. Упираешься ногами и руками. В то время как, например, в классике «верёвочного курса» опираться можно было только на воздух и на собственных товарищей, часто выстраивавших целую пирамиду из собственных тел. И всё для того, чтобы всей группой и не используя никаких вспомогательных средств перелезть через верёвку, натянутую на уровне плеч игрока среднего роста. Задеть за верёвку нельзя ни разу. За это все возвращаются назад (даже если не перелез ещё только один человек). На верёвочных курсах в 90-х наши обычные школьники принимали сложные решения почти всегда и довольно быстро. Им ситуация со стенами, думаю, показалась бы пустяком. Хотя, честно говоря, не знаю, как справились бы с «верёвочным курсом» современные дети.

А вот мнение коллеги (далее Л.М. Перминова, доктор педагогических наук, профессор, г. Москва):

«Мы, выросшие в условиях советского всеобуча и не привыкшие к столь требовательному отбору в школу, где было по 30–40 классов, открываем для себя новый подход, в основе которого — малочисленное, полиэтническое образовательное пространство детей, так как культивируется школа-семья, т.е. однородное в ценностном отношении детское, отобранное по критериям готовности обучения в школе, финансо-

вого благополучия родителей, сообщество, с характеристиками от, надо полагать, столь же обеспеченных и благонадёжных людей, включая выпускников этой школы. За многофакторным отбором поступающих в школу определённо видится преимущество как условие социокультурной устойчивости даже маленького организма — частной/элитной школы, в которой столь же тщательно будет выверена образовательная траектория каждого ученика.

Совершенно неожиданно всплывает в памяти „Школа славянских культур” в Санкт-Петербурге середины 90-х прошлого века. Школа большая, многоэтажная, просторный холл с детской раздевалкой, входишь в вестибюль, и тебя встречает сидящий на длинной скамейке 5-летний ребёнок — черноглазый, черноволосый, в одежде явно с „плеча” старшего брата — азербайджанец. Как сказал школьный секьюрити: „Мать сегодня привела, оставила, сама пошла на рынок торговать. Да здесь учатся ещё два брата мальчонки и сестра. В 3-м и в 6-м классах. Сейчас отведу в столовую — там самовар, лепёшки да крендели — наши повара уже напекли. В столовой тепло, просторно, чисто. Да вы проходите тоже туда, чай наливайте из самовара, а то холодно на улице»».

Просто вспомнилось. Это, конечно, не для сравнения. Но есть такие особенности, на которые нельзя не обратить внимания. Например, отношение к родному языку, математике, к самому себе. Совершенно замечательно, как и было когда-то в российских гимназиях — математика, словесность, родной язык, литература! — ежедневно, и не ведётся спор с Департаментом образования и Министерством просвещения о судьбе русского языка: родной язык необходимо изучать каждый день! Тогда не будет проблем с читательской грамотностью. А математика, действительно, ум в порядок приводит, развивая логическое мышление, к тому же и философия, история, культура, история науки, — а в основе обучения лежит обучение научному методу, и решение этой задачи усиливается подходом к выбору иностранного языка (выбран японский язык как система, формирующая совершенно иную языковую логику: контрастное положение вещей непременно активизирует рефлексивные механизмы, открывая путь мысли, феномен которой М. Мамардашвили определил как «сдвиг в сознании»).

Конечно, здесь показаны лишь общие контуры учебного плана школы, но замысел о принципах отбора содержания образования как направленность на интеллектуальное развитие, на гуманитарное мышление, безусловно, можно только приветствовать. Примерно так же были организованы «примерные» учебные планы советской школы в начале 20-х годов (единый учебный план для всех школ СССР появился только в 1927 г.). Это уже через 60 лет школьные реформы в СССР привели к дегуманитаризации содержания школьного образования. А начало было правильным — тоже от гимназического подхода, от стремления развивать гимназистов умственно и физически, как было в гимназиях Древней Греции.

Или вот ситуация испытаний «как перебраться через стену». В некоторых лицеях (XXI в.), например лицей № 1502 при МЭИ (директор — доктор педагогических наук, профессор В.Л. Чудов), в учебном плане предусмотрены ежегодные экстремальные игры — с трёхдневным выездом старшеклассников во Владимирскую область, в оздоровительный лагерь, где дети каждый день участвуют в весьма сложных испытаниях — командных и индивидуальных. В этих условиях закаляется воля, формируется настойчивость, упорство, стойкость, выносливость, взаимопомощь, — невольно задаёшься вопросом: «а это запас на всю жизнь?» или нынешние одноклассники могут оказаться по «разные стороны баррикад»?

Знакомясь с условиями школы «Одиссея», отмечаешь сходство и моменты иного, отличного: у «нас» — классный руководитель, у «них» — два преподавателя для неформального общения, бесед, наставничества. При этом дети должны вести дневник, куда ежедневно записывать свои мысли, впечатления (за неделю 2–3 страницы). Хорошо это? Конечно! Ребёнок привыкает общаться с собой, осмысливать свои впечатления, оценивать себя, описывать окружающих — это приучает к постоянной работе мысли, к самодисциплине, упорядочиванию своего внутреннего мира. Важно, что этим занимается ребёнок младшего и среднего школьного возраста. Тетрадь с записями передаётся наставнику. Здесь трудно дать однозначную оценку (смысл контроля?).

Обязательность выполнения «добрых дел» как помощь детям (тем, кто отстаёт в учёбе), бездомным животным или навязчивое обучение разумной экономии и разумной трате денег, приготовлению пищи — всё это не только разнообразит жизнь детей, но и даёт то, что называют заботливым отношением, функциональной грамотностью, жизненным опытом, самостоятельностью.

И, конечно, весьма привлекательной и полезной для интеллектуального развития является работа над проектом, тему которого ребёнок выбирает сам. Причём это практико-ориентированный проект, требующий личного участия ученика (освоение элементов циркового искусства, поварского мастерства, изготовление видео- и фотостендов и др.) — главное в том, что ребёнок должен научиться чему-то существенно новому. Очень точно написал «старший соавтор» статьи:

«Прошедшие полгода учёбы в „Одиссее“ стимулировали в моём младшем соавторе ускоренное взросление. Это проявляется в ростках самоанализа и повышении чувства ответственности, в приобретении навыков обсуждения сложных вопросов и умении аргументировать свою точку зрения».

Серьёзное завоевание ребёнка одиннадцатилетнего возраста!

Можно и дальше, более детально анализировать условия обучения в школе маленького американского городка на севере Калифорнии, но приведённое письмо школьницы наилучшим образом показывает справедливость оценочного суждения её бабушки в пользу аналитического метода, самостоятельности, аргументации, навыков обсуждения сложных вопросов, чувства ответственности.

Однако поразмыслив над прочитанным — с немалым интересом — закончим тем, что мы надеемся, что подобный критический подход поможет читателям самостоятельно прорабатывать другие педагогические тексты и извлекать полезный опыт, а не просто сожалеть, что «у нас не так». ■